

Ю. Н. Зинин

Суннитско-шиитская эскалация как фактор нарастания террористической угрозы

Юрий Николаевич Зинин, канд. ист. наук, вед. науч. сотр.
Центра партнерства цивилизаций
Института международных исследований
МГИМО МИД России. E-mail: zinin42@mail.ru

Аннотация. В статье прослеживается влияние суннитско-шиитского разделения на происходящие на Ближнем Востоке события в контексте глобальных террористических угроз. Рассматриваются природно-экономические реалии стран со значительной долей шиитского населения, живущего на территориях, где сосредоточено почти две трети всех разведанных мировых запасов углеводородов. Особое внимание уделяется противостоянию в последние десятилетия Саудовской Аравии и Ирана, его идейным аспектам, их соперничеству в так называемых войнах и конфликтах «по доверенности» в Сирии, Ираке, Йемене. Автор полагает, что и после окончательной победы над ИГ политический ислам не уйдет из мировоззренческого пространства региона и влияние суннитско-шиитского фактора в этом процессе сохранится.

Ключевые слова: ислам, сунниты, шииты, ИГ, Иран, Ирак, Сирия, Саудовская Аравия, Йемен, халифат.

Два резонансных события в начале ноября 2017 г., произошедших практически одновременно, привлекли внимание международной общественности. Первое – неожиданная отставка премьер-министра Ливана Саада аль-Харири, который мотивировал ее «подрывной деятельностью» Ирана и ливанской группировки «Хизболла» против Ливана и соседних стран. (Вскоре Аль-Харири, однако, отозвал свое заявление об отставке.) Второе – Саудовская Аравия возложила на Иран и «Хизболлу» ответственность за ракетный обстрел международного аэропорта Эр-Рияда йеменскими хуситами и назвала его «актом военной агрессии». Таким образом вновь проявился антагонизм в отношениях между КСА и ИРИ, в основе которого лежат суннито-шиитские разногласия.

Богословско-догматической основой этих разногласий является спор о выборе халифа (заместителя пророка Мухаммеда после его смерти)¹. Шииты составляют 10–15 % последователей ислама на планете, число которых, в свою очередь, – приблизительно 1,6 млрд человек. Большинство шиитов проживает на Ближнем Востоке.

¹ Четвертый праведный халиф (656–661 гг.) Али, который являлся ближайшим соратником пророка (двоюродный брат и зять), в итоге потерпел поражение от претендента на предводительство в общине и затем был убит. Его адепты получили названия шиитов, адепты его соперников – суннитов. После гибели Али на протяжении всей истории ислама не прекращалась борьба между представителями двух ветвей за верховенство в общине и государстве. При этом шиитские династии всегда были в меньшинстве. Наиболее значительные из них – Фатимиды (969–1171 гг.) и Сефевиды в Иране (1501–1732 гг.). Единственная страна, где шиизм закреплен как государственная религия, – Иран.

Алавизм вышел из лона шиизма, зародившись в IX в. на Ближнем Востоке. Он вообрал в себя и черты «христианского» гностицизма и домусульманских верований. Алавиты составляют около 10 % населения Сирии. Они являлись собой весомую часть сил безопасности, в то время как армия САР состояла в основном из суннитского большинства.

Таблица

Доля шиитов в мусульманском населении ряда государств Ближнего Востока

	Число шиитов, млн человек	Доля шиитов среди мусульман страны, %
Иран	68–71	90–95
Ирак	18–20	45–55
Турция	8–12	10–15
Йемен	8–10	35–40
Бахрейн	0,9–1,0	65–70
Сирия	3–3,6	15–20
Саудовская Аравия	2–3	10–15
Ливан	2–2,4	45–55
Всего	112–133	

Источник: Pew Research Center. June 18, 2014. – URL: http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/06/18/the-sunni-shia-divide-where-they-live-what-they-believe-and-how-they-view-each-other/ft_14-06-17_shiasunni/

Кроме того, шииты – большинство верующих-мусульман в Азербайджане. Значительные анклавы шиитов имеются также в Афганистане, Пакистане и Индии.

Современные отношения между двумя ветвями ислама видятся в контексте экономических и политических реалий стран Ближнего Востока, нередко получающих глобальное измерение. На основных территориях проживания шиитов (Саудовская Аравия, южные районы Ирака, Иран, Бахрейн и частично Кувейт и ОАЭ) сосредоточено приблизительно две трети разведанных мировых запасов углеводородов. В 2014 г. добыча на них покрывала почти 32 % общемирового производства нефти и почти 45 % его мирового экспорта.

Финансовые резервы этих нефте- и газодобывающих стран оцениваются почти в 900 млрд долл. Они включены в орбиту глобальных экономических связей, инкорпорированы в мировую монетарную систему и рынки капиталов. Страны региона находятся в числе ключевых импортеров оружия и военной техники (сюда поступает одна треть всего импортируемого мирового объема оружия).

Современная эпоха столкнула мир ислама с ценностями, зачастую противоречащими вековым традициям. Соответственно, устои религии воспринимаются и как альтернатива чуждым нравственным нормам, и как опора для сохранения идентичности. И здесь роль своего рода генератора играет политический ислам – как доктрина, программа и практика. Феномен политического ислама разнороден в зависимости от места зарождения. Он несет на себе отпечаток реалий каждой страны – от Ирана до Саудовской Аравии и Марокко².

Для ислама характерен высокий уровень социальной солидарности, что проявляется в поддержке единоверцев через благотворительные фонды и иные формы пожертвований. В этой сфере ключевая роль принадлежит нефтяным монархиям Персидского залива, прежде всего Саудовской Аравии. Размеры национальных суверенных фондов арабских монархий в 2016 г. оценивались в 2,3 трлн долл. [5]. Многочисленные пожертвования от них десятилетиями поступали и поступают разномастным исламистским группам и организациям, в том числе джихадистским. Последние провозглашают свое превосходство над другими течениями, что провоцирует рост разногласий, в частности, по шиито-суннитской линии.

Наряду с этим за последний, почти 40-летний, период истории шиизм под влиянием исламской революции 1979 г. в Иране консолидировался в этой стране, укрепил свои позиции

² Тем не менее все исламистские течения в арабском мире в той или иной мере разделяют ключевые тезисы, выдвинутые египетской Ассоциацией братьев-мусульман еще в 1920-х гг.: ислам – решение всех проблем; превосходство ислама над другими религиями и конфессиями; необходимость возвращения к истокам – «золотому веку халифата». Исламизм привлекает массы людей, живущих «на дне» арабских обществ и страдающих от нищеты, он ассоциируется в их сознании с утраченным миром равенства, солидарности и гармонии. В условиях авторитарного правления исламисты, критикуя коррупцию, произвол во власти, исламисты набирали и набирают очки, особенно в глазах обездоленного населения. Они также наладили систему оказания всесторонней помощи этим слоям через мечети и другие религиозные учреждения.

в Сирии, Ливане, Ираке, Бахрейне и в целом приобрел региональное звучание. При этом в Иране имеет место сочетание официальной религиозности и ускоренного технического прогресса. По мнению некоторых наблюдателей, в отличие от многих других стран региона, Иран в целом решил для себя проблему баланса справедливости и эффективности. А возвращение на нефтяной рынок, снятие санкций и развитие программы мирного атома в перспективе делают из Ирана крупнейшего регионального игрока [2, с. 37].

КСА и другие монархии в зоне Персидского залива с преобладанием суннитского населения обеспокоены тем, что Тегеран набирает очки как региональный лидер, как притягательная сила — и для правящих кругов, и для «улицы». Эти монархии утверждают о претензиях Ирана на гегемонию в регионе, видят руку «иранских мулл» в происках с целью расшатывания локальной стабильности. На Иран возлагают вину за все беды на Ближнем Востоке, особенно после начала «арабской весны», за создание так называемой шиитской дуги (территория от Ирана через Ирак до Ливана), за «вызовы, исходящие от нее» и т.д.³

С начала 1980-х гг. Саудовская Аравия втянулась в активное соперничество с постреволюционным Ираном. Во всех имевших место конфликтах — в Сирии, Ираке, Йемене, Бахрейне — Иран и КСА поддерживали и поддерживают противостоящие стороны. Эр-Рияд был застрельщиком объявления ливанской «Хизболлы» террористической организацией и принятия различных санкций, в том числе репрессивных, против ее сторонников в странах Залива.

Официальные власти и масс-медиа Тегерана называют клише о шиитском полумесяце тенденциозным. Лейтмотивом же международной стратегии Исламской Республики Иран является поддержка «обездоленных и несправедливо попираемых» в их «праведной» борьбе за справедливость в исламском мире и за его пределами. Для этого и создана «ось сопротивления» (мукаввама *по-арабски*) в интересах защиты интересов «всех страдающих от произвола и иностранного вмешательства».

Режим аятолл после смерти Хомейни отказался от экспорта «исламской революции» и продвигает идею «оси сопротивления». Тегеран оказывает разнообразную помощь — идейную, материальную, финансовую и прочую — палестинским организациям, которые практически все по религиозному признаку — суннитские. Это — ХАМАС, «Аль-Джихад аль-Исламий» и др. В ИРИ делается ставка и на то, чтобы перехватить у арабских правителей эстафету поддержки «законных прав палестинцев, узурпированных Израилем», перевести арабо-израильский конфликт в плоскость противостояния всего мира ислама с Израилем и США. Это в существенной степени радикализовало палестинское движение, а также другие религиозные партии и группы в арабском мире.

Тегеран ведет медийную кампанию и реализует политику «мягкой силы», воздействуя на арабов-шиитов, проживающих в странах Залива «под гнетом властей» — нефтяных монархий-ставленников США. Он объявляет своим религиозным долгом защиту святыней шиитов, находящихся в Ираке и Сирии. Он совмещает борьбу против ИГ как «клона», идейного наследника ваххабитского течения в Сирии с призывом к освобождению всей Палестины от «сионистского ига».

Всё это предопределило характер отношений Тегерана со своими партнерами, в том числе оказание им разнообразной помощи, особенно после того как ИГ бросило вызов Ираку и Сирии, а значит и шиитам.

ИРАНО-СИРИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Сирию Иран считает своим стратегическим союзником. После победы исламской революции в 1979 г. отношения между светским баасистским руководством САР и новыми правителями ИРИ приобрели характер партнерских, а затем союзнических⁴.

³ При этом КСА и другие монархии контролируют до 80 % крупнейших арабоязычных органов: от телеканалов «Аль-Джазира», «Аль-Арабия» до газет «Аш-Шарк Аль-Авсат», «Аль-Араб», доминирующих в регионе.

⁴ После того как Египет признал Израиль, Дамаск оказался один на один со своим заклятым врагом, оккупирующим часть сирийской территории — Голанские высоты, и поэтому, находясь в изоляции, поспешил найти нового союзника. Сирию и Иран, несмотря на различия политического устройства, сблизил общность их антиамериканской и антиизраильской позиций, а также поддержка ими «освобождения Палестины от оккупации сионистов». Кроме того, Дамаск с 1970-х гг. находился в остром идейно-политическом конфликте с Ираком, и когда в 1980 г. армия Саддама Хусейна вторглась в хомейнистский Иран, Сирия оказала поддержку иранцам (в том числе военную).

Для Ирана Сирия важна, прежде всего, как мост для продвижения своей политики и идейных установок в Ливане, с его значительной шиитской общиной. По некоторым данным, еще до антиправительственных протестов в Сирии в 2011 г. ИРИ держала на территории САР от 2 до 3 тыс. своих военных инструкторов и советников, которые занимались подготовкой бойцов «Хизболлы», организацией поставок оружия, оптимизацией транспортной сети, логистикой.

После начала антиправительственных выступлений в Сирии тегеранское руководство встало на сторону Дамаска. Обе стороны официально заявляют, что их объединяют «прочные стратегические связи в русле противостояния вызовам террористов-такфиристов» в САР и по всей «оси сопротивления» в регионе. Под такфиристами имеются в виду крайние джихадисты, которые под предлогом борьбы с «безбожниками»-кафирами безапелляционно зачисляют целые группы верующих в «отступники» и «еретики» и присваивают себе право на их отторжение и даже физическое уничтожение. Такфиристы, по мнению сторонников «оси сопротивления», являются наследниками ваххабизма, выросшего в Саудовской Аравии.

По утверждениям некоторых СМИ стран Залива, Тегеран держит в Сирии от 7 до 8 тыс. своих военнослужащих. Такие цифры не подтверждаются независимыми источниками. Иранское же руководство не афиширует наличие своих регулярных войск на территории САР. Однако оно признает присутствие своих военных советников, но об их численности официально не сообщает. По некоторым данным, в лагерях КСИР висят объявления, в которых граждан приглашают на службу «для защиты исламских святынь». Иран также передает Сирии разведанные, оказывает техническую поддержку в сфере электронных коммуникаций, ведения контрпропаганды, в отражении враждебных кибератак.

В частности, речь идет о противодействии мощной медийной войне, которую ведут СМИ и социальные сети КСА и других стран Залива против «оси сопротивления», используя набор различных аргументов и клише. Так, шиитов в Ираке, Сирии и Ливане причисляют к «еретикам» и к «пятой колонне» Ирана. Делаются попытки вбить клин между населением Сирии, в большинстве своем суннитским, и правящей верхушкой Дамаска, в которой значителен процент алавитов, близких к шиитам. Сирийских алавитов угрожают отправить «в могилу», а христиан – в «Бейрут».

Присутствие Тегерана в Сирии охватывает и сферу экономики. Иран способствует САР в преодолении экономической блокады, введенной Западом и рядом арабских государств, из-за чего сирийцы страдают от дефицита энергоресурсов, многих товаров и лекарств. По заявлению министра экономики Сирии, в 2014 г. Тегеран оказал его стране помощь на сумму в 15 млрд долл.

Иранская помощь идет и военизированной организации «Хизболла» из Ливана, которая сражается на стороне правительства САР, а также другим шиитским группировкам, в частности из Ирака, вовлеченным в эту войну. На территории Сирии «Хизболла» появилась весной 2012 г., когда для охраны шиитской святыни Сайиды Зейнаб в Дамаске в Сирию были переброшены ее боевики. Организация поставила под контроль значительные территории, в первую очередь сосредоточив внимание на обороне населенных шиитами городков и селений к северу от Алеппо и на юге Сирии, в провинции Дараа.

После свержения режима Саддама Хусейна в 2003 г. Иран наладил с новыми властями Ирака тесные отношения в политико-экономической, военной и других сферах. Иранское руководство не раз признавало, что Ирак для него является своего рода тылом и одновременно мостом в Сирию и Ливан. Иранцы внесли весомый вклад в создание иракского народного ополчения и его военные операции против ИГ. В 2013 г. объем ирако-иранской торговли составлял 12 млрд долл. Помимо торговых связей, растут инвестиции ИРИ в экономику Ирака, растет и поток туристов, в основном религиозных паломников. Для Тегерана Ирак – весомая карта в отношениях с США, особенно после прихода к власти Д. Трампа, который угрожает сорвать соглашение о ядерной программе, заключенное в 2015 г. и оказать силовое воздействие на Иран.

Власти КСА обеспокоены проблемой баланса сил между шиитами и суннитами в Ираке. Они смотрят на Ирак через призму конфронтации со своим врагом Ираном и стремятся вернуть Багдад в «арабское лоно», с тем чтобы тот дистанцировался от Тегерана.

Ситуация в Йемене также является камнем преткновения в отношениях между ИРИ и КСА. Хуситы, поднявшие восстание под религиозными и социальными лозунгами, принадлежат к прошиитской секте зейдитов. Впрочем, зейдизм сочетает элементы обеих ветвей ислама – и шиизма, и суннизма. Движение хуситов «Ансар Алла» контролирует столицу Йемена и зна-

чительную часть территории страны. Негласную поддержку ему оказывает Иран. При этом теологические расхождения не мешают взаимодействию Тегерана с зейдитами, которые позиционируют себя как борцы против доминирования США и их ставленников на Ближнем Востоке.

Иран считает хуситов законной властью в Йемене, но отрицает оказание им помощи оружием. Ряд западных и саудовских источников сообщают о такой помощи по каналам контрабанды из соседнего Омана, а также об участии в военных действиях на стороне хуситов – членов ливанской «Хизболлы»⁵.

С марта 2015 г. КСА возглавляет оформленную Эр-Риядом как международную кампанию «Решающий штурм» против хуситов-повстанцев. Действия коалиции, по утверждениям Эр-Рияда, диктуются необходимостью противостоять вызову – вспышке мятежа с «иранским следом» на границах королевства. Глава одной из сторон внутрийеменского конфликта, просаудовский президент Хади, отрицает политический характер конфликта, заявляя, что его войска сражаются с религиозной группировкой, «ориентированной только на свою конфессию». Противостояние в Йемене при участии международной коалиции, возглавляемой КСА, нанесло огромный ущерб этой и без того беднейшей стране ближневосточного региона. По данным ООН, в результате воздушных налетов и наземных операций в ходе операции «Решающий штурм» убито не менее 8 670 человек, 60 % из них – гражданское население, и ранено около 50 тыс.

Для жесткой конкуренции Эр-Рияда и Тегерана есть и экономическая основа. ИРИ – соперник КСА на нефтяном рынке. Хотя Иран обладает меньшими запасами нефти, он может составить конкуренцию КСА на мировом рынке в партнерстве с Ираком и теоретически способен обогнать саудовцев в добыче «черного золота».

СУННИТО-ШИИТСКИЙ РАЗЛОМ И ВОЕННОЕ ПОРАЖЕНИЕ ИГ

На суннито-шиитские отношения оказывают влияние трансформации, которые происходят ныне в Сирии и Ираке, в частности – неизбежный разгром ИГ, очищение обеих стран от подобных террористических группировок. Очевидно, что вооруженная оппозиция различных оттенков в Сирии, кормившаяся годами из-за границы (будь-то монархии Залива или США), также теряет почву под ногами. Это привело к укреплению нынешних режимов в Дамаске и Багдаде, к восстановлению их контроля над территориями своих государств, поражению или оттеснению исламских радикалов.

Есть признаки того, что спонсоры оппозиционных формирований, в частности из стран Залива, дистанцируются от их поддержки. Ряд арабских обозревателей видят причину в том, что монархии испытывают дефицит доходов от нефти из-за снижения цен на нее с 2015 г, что вынуждает их урезать расходы, в том числе связанные с внешнеполитической сферой и оказанием помощи клиентам.

Заметны и перемены в палестинском досье. Так, с начала «арабской весны» под влиянием возвышения «Братьев-мусульман» в Египте, Ливии и других странах ХАМАС отошел от близких отношений с Дамаском и Тегераном и при поддержке Катара занял непоследовательную и весьма туманную позицию по кризису в САР. Но в последнее время ХАМАС вроде бы возвращается в орбиту влияния Тегерана. Часть его известных функционеров перенесла свои штаб-квартиры из Катара. Это сделано в связи с избранием нового руководства движения, а также начавшимся диалогом по вопросам безопасности с египтянами и улучшением отношений между ФАТХом и «Хизболлой».

Другой фактор – политико-дипломатический кризис между Катаром, с одной стороны, и КСА, ОАЭ, Бахрейном и Египтом – с другой, разразившийся в мае 2017 г. Он в немалой степени смешал карты. Ведь власти КСА и Катара в последние десятилетия играли на шиито-суннитских противоречиях. Теперь же трещины наблюдаются на самом суннитском пространстве, где образовались две временно противостоящие оси: Катар – Турция и Саудовская Аравия – Бахрейн – ОАЭ.

СМИ и политики антикатарской коалиции резко критикуют начавшееся после мая 2017 г.

⁵ Iran escalates its supplies of weapons to Hussites via Sultanate Oman // Newspaper “Yafanews” (на араб. яз.), October 15, 2016. – URL: <http://yafa-news.net/archives/208833>

определенное сближение Дохи с Тегераном. В качестве одного из условий снятия своей блокады с Катара они ультимативно требуют от правящей династии Ат-Тани порвать с ИРИ. Разлад между двумя монархическими режимами пошел вглубь и затронул отношения между высшими духовными инстанциями КСА и Катара⁶.

Еще один акт с непредсказуемыми последствиями для конфигурации сил в регионе – проведенный 25 октября 2017 г. референдум в Иракском Курдистане во имя создания независимого государства. Этот демарш был негативно воспринят всеми соседними государствами – Ираком, Турцией, Ираном и САР. В Анкаре, Тегеране и Дамаске обеспокоены перспективой создания «Большого Курдистана». Заявка иракских курдов на создание собственного государства подтолкнула эти четыре государства к сплочению против общего оппонента, что временно приглушило имеющиеся между ними противоречия, в том числе по шиито-суннитской линии.

Немало арабских политологов и экспертов убеждены, что крах ИГ показал концептуальную и практическую несостоятельность исламизма в его крайних проявлениях, отсутствие у него действенной программы развития общества. Преступления боевиков «Исламского государства» и аналогичных групп развеяли иллюзии многих по поводу «золотого века халифата», оттолкнули «арабскую улицу». Саудовский медиадеятель А. Рашид признает, что суннитский экстремизм нанес больший ущерб самим суннитам, нежели шиитам, хотя соответствующие радикалы заявляют, что борются именно против последних. Более 90 % всех акций суннитских экстремистских группировок направлены против объектов и населения в семи арабских странах – Ираке, Сирии, Саудовской Аравии, Египте, Ливии, Алжире и Марокко. Шииты же избегают нападения на учреждения, общину или людей, относящихся к шиитскому толку ислама [4]. В СМИ циркулирует информация, согласно которой большинство из 4,2 млн иракцев, перемещенных на конец 2016 г. в ходе военных действий против ИГ, были суннитами.

На этом фоне число критиков политического ислама в СМИ и в экспертном сообществе ближневосточного региона растет. Политический ислам не основывается на строгой научной базе, ибо предлагает иллюзии в отношении изменения мира, делает вывод видный арабский социолог и философ Самир Амин. Поэтому не случайно, что он вновь открыл врата дискриминации на сектантской почве, в частности по линии суннизма-шиизма [3].

В идейной полемике в регионе все громче звучит голос сторонников арабского национализма, который в XX в. сыграл важную роль в социально-политических процессах по становлению государств, добившихся независимости.

Однако этому течению трудно восстановить свое былое влияние. Арабский мир переживает период смут и разногласий. Высокообразованная, зачастую светски настроенная и национально ориентированная элита не отвечает требованиям момента. Она «оторвана от масс», живущих в мире, где религиозная идентичность превалирует над национально-государственной.

При этом имеет место новая данность. В водовороте и потрясениях «арабской весны» ряд крупных групп и общин пришли к власти, стали хозяевами положения, мотивируя свое право на власть тем, что ранее их ущемляли в различных областях. Теперь же они стремятся отстранить от участия в политике побежденных, тех, кто в прошлом их так или иначе ущемлял. Налицо укоренение опасной практики реванша и подозрительности групп и общин в отношении друг друга. По мнению ряда местных аналитиков, поскольку в ближайшее время Иран и Саудовская Аравия не откажутся от своих амбиций и соперничества в борьбе за лидерство на Ближнем Востоке, острота расхождений по суннито-шиитской линии не снизится.

С приходом в высшие эшелоны власти КСА Мухаммеда Бен Сальмана – сына нынешнего короля Сальмана Бен Абдельазиза (сначала 32-летний Мухаммед был назначен министром обороны страны, а в 2017 г. – наследным принцем), означившего смену правящего поколения, Эр-Рияд существенно ужесточил свою политику по отношению к Тегерану. Очевидно раздражение саудовских верхов тем обстоятельством, что сирийский режим, который они после начала кризиса в 2011 г. уже мысленно отправили в корзину истории, выстоял при поддержке Ирана и России и теперь восстанавливает свой контроль над всей территорией страны. Антиправительственная оппозиция, спонсируемая Эр-Риядом и другими государствами региона, во

⁶ В мае 2017 г. в заявлении великого муфтия Саудовской Аравии были названы «ложными» утверждения правящей верхушки Ат-Тани в Катаре о том, что они являются потомками саудовского реформатора ислама М. Абдель Ваххаба. Он, как провозгласили в Дохе, был выходцем из племени Бени Тамим, к которому принадлежит нынешняя династия Ат-Тани. В свете этого саудовский муфтий также потребовал, чтобы мечеть имени Шейха Ваххаба, построенная в Дохе в 2011 г. по указанию бывшего правителя Катара М. бен Халифы Ат-Тани, была переименована.

многим потеряла позиции и как никогда раздроблена и ослаблена.

Не добилась своих целей Саудовская Аравия и в Йемене. Последние события – отставка премьер-министра Ливана Саада Аль-Харири, ракетный обстрел международного аэропорта Эр-Рияда йеменскими хуситами, гибель бывшего президента Йемена А. Салиха – подняли градус напряженности и усилили токсичность отношений между королевством и Тегераном. Это происходит на фоне политики правящей элиты Эр-Рияда, делающей ставку на Вашингтон, на пришедшего в Белый дом Д. Трампа.

Многомиллиардными, рекордными контрактами в военной и гражданской областях, провозглашенными в мае 2017 г., верхушка КСА подтвердила свой стратегический союз с США и поддержала позиции самого Д. Трампа в его противоборстве с внутренней оппозицией. Возросшие шансы сбыть саудитам максимальные объемы продукции ВПК отвечают установке Д. Трампа сделать Америку снова великой и выполнить обещание по увеличению числа рабочих мест. Не удивительно, что сегодня Вашингтон занимает просаудовскую позицию в том, что касается суннито-шиитского разлада. Д. Трамп в одной из своих речей в Конгрессе обвинил иранский режим «в подпитке столкновений на религиозной почве в Ираке и войны в Йемене и Сирии». Он дал указания Минфину ужесточить санкций против КСИР, который обвинил «в поддержке терроризма».

Видный американский дипломат и публицист Денис Росс, выполнявший ключевые миссии Вашингтона на Ближнем Востоке в период правления президентов Джорджа Буша-ст., Б. Клинтона и Б. Обамы, считает, что Д. Трамп продолжает оказывать существенную поддержку нынешнему королю КСА Сальману и его сыну Мухаммеду Бен Сальману. Политика и стратегия администрации Д. Трампа на Ближнем Востоке еще только формируется. По словам Росса, на Ближнем Востоке востребована более «эффективная стратегия сдерживания» Ирана и его экспансии в регионе. Речь идет не о смене религиозного режима, а о воздействии на поведение Тегерана в соседних странах для его обуздания. Росс призвал Вашингтон делать это в сотрудничестве с КСА и другими государствами региона. По его мнению, глава Белого дома и его зять Джерид Кушнер, который завязал «крепкие связи с наследником престола», видят в отношениях с КСА «основную опору» своего ближневосточного курса. Пока они находятся в начале этого пути, для его завершения понадобится немало времени и усилий [6].

* * *

Ближневосточный регион с его сложным этноконфессиональным составом представляет собой благодатную почву для «столетней религиозной войны», подобно той, что сотрясала когда-то Европу. Ислам, к тому же – относительно молодая, пассионарная религия.

В России предупреждают об опасности переноса конфликтов в плоскость религиозно-сектантского противостояния. Очевидно, что рост разногласий и обострения по линии шииты – сунниты отвлекает от разрешения конфликтов и иных актуальных проблем, подпитывает радикалов с противостоящих сторон, способствует вовлечению во внутренние дела стран внешних акторов.

Нельзя пройти мимо попыток извратить в медиапространстве политику России в Сирии, Ираке и во всем регионе, представить ее односторонней – якобы прошиитской, проиранской. Имеет место целенаправленная кампания по дискредитации курса России, нанесению ущерба ее интересам в регионе.

Пропагандисты на Западе, а также в ряде государств Залива хотят с помощью искаженной информации инспирировать в странах с суннитским большинством, особенно в регионе Персидского залива, неприязнь к Москве, помешать продвижению отношений России с арабскими народами.

Ряд российских востоковедов и политологов подчеркивают важность широкого продвижения во внешнеполитическом дискурсе следующих тезисов: Россия должна подняться над шиито-суннитскими различиями и активнее апеллировать к единству мусульманского мира; в российских мусульманских общинах есть внутренний запрос на взаимодействие адептов этих двух направлений и других мазхабов, исходя из общих интересов [1, с. 85].

Курс России на партнерство со странами ислама в политической, экономической и иных областях – давний и традиционный. Россия не играет на внутриконтрафессиональных противо-

речиях в них, в отличие от США.

Накануне вторжения в Ирак в 2003 г. Вашингтон усиленно педалировал лозунг о шиитах, «ущемленных и угнетенных суннитской верхушкой во главе с Саддамом». Опора американцев на шиитский элемент в ходе войны и оккупации нарушила хрупкий баланс сил, что стимулировало противоречия между двумя большими конфессиональными группами.

В арабо-мусульманском мире, как и в России, сильна тенденция противостояния однополярной глобализации. И там, и там энергетический сектор занимает значительное место в экономике, а мировая цена на энергоносители имеет особую важность.

Россия ориентируется на наращивание экономического сотрудничества со странами региона, в частности в индустриальной сфере, в сельском хозяйстве, в инновационных технологиях, оборонном секторе, а также в проведении общей политики на мировом рынке нефти. Россия привлекательна для этих стран как поликонфессиональная и многоэтническая страна, в которой всегда жили в мире представители различных ветвей ислама.

О том, что на Россию смотрят как на перспективного партнера в регионе, свидетельствуют и состоявшиеся в 2016–2017 гг. визиты в нашу страну лидеров Ближнего Востока. Среди них – эмир Катара Тамим Бен Хамад Ат-Тани, король Иордании Абдалла II, президент ИРИ Хасан Роухани, наследный принц Абу-Даби М. аль-Нахайян, вице-президент Ирака Аль-Малики, король Саудовской Аравии Сальман Бен Абдель Азиз, президент Сирии Башар Асад и президент Судана Омар Башир.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Попов В. В. О суннитско-шиитских разногласиях // Ежегодник ИМИ. – 2016. – № 1 (15). – С. 84–86 [Popov V. V. Thoughts on sunni-shiite contradictions // Ezhegodnik IMI. – 2016. – № 1 (15). – P. 84–86; Popov V. V. O sunnitsko-shiitskikh raznoglasiyakh // Yezhegodnik IMI. – 2016. – № 1 (15). – S. 84–86]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26622779>
2. Тимофеев И. Н. Дилеммы государства в современном мировом порядке // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 1. – С. 29–41 [Timofeev I. N. State Dilemmas in Contemporary World Order // Vestnik MGIMO-University. – 2016. – № 1. – P. 29–41; Timofeyev I. N. Dilemmy gosudarstva v sovremennom mirovom poryadke // Vestnik MGIMO-Universiteta. – 2016. – № 1. – S. 29–41]. – URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/003_mirovaya_politika_timofeevin.pdf
3. Amin, Samir. Political religious rhetoric // Modern Discussion – media news cultural tribune. (на араб. яз.), September 8, 2015. – URL: <http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=345292>
4. Al-Rashed, Abdulrahman. Sunni extremism vs. Shiite extremism // Al Arabiya English., November 8, 2014. – URL: <https://english.alarabiya.net/en/views/news/middle-east/2014/11/08/Sunni-extremism-vs-Shiite-extremism.html>
5. Ghafar, Adel Abdel. Will the GCC Be Able to Adjust to Lower Oil Prices? // The Brookings Institution, February 18, 2016. – URL: <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2016/02/18/will-the-gcc-be-able-to-adjust-to-lower-oil-prices/>
6. Ross, Dennis. Saudi – American relations are to design a new map of mutual understanding in the Middle East. Newspaper // Ash-Sharq Al-Awsat (London, на араб. яз.), December 27, 2017. – URL: <https://aawsat.com/home/article/1124796/مهافتل-ل-ةديج-ةطيرخ-مسر-ة-ةيكريم-ال-ة-ةي-دوعس-ل-ت-اق-ال-ع-ل>

The Sunni – Shiite escalation as a factor of the rise of the terrorist threat

Yuri Zinin, Senior Researcher at the Civilizations` Partnership Center of the Institute for International Studies, MGIMO-University. E-mail: zinin42@mail.ru

Summary. The article is about to examine the effect of Sunni - Shiite parllition on events that happen across the Middle East in the context of global terrorist threats. The article covers natural-economic realities of a number of middle-east countries

with large Shiite population and with territories which subsume about two thirds of the all world explored reserves of hydrocarbons. The priority is given to the analysis of competition between Saudi Arabia and Iran, its ideological motifs and orientations, of their rivalry in proxy wars for influence in Syria, Iraq and Yemen. It is emphasized that even after the final defeat of ISIL political Islam will not take its departure from the regional worldview space and the influence of Sunni - Shiite factor in this process will remain.

Keywords: Saudi Arabia, Iran, Arab spring, Shiites, Sunnis, Islam, ISIL, Syria, Iraq, Yemen, Khalifat.